

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47)«1914/1918»

СЛУЖБА ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. СТАРОСТЕНКО¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Исследуется деятельность православного военного духовенства в российской армии на территории Галиции в годы Первой мировой войны. Установлено, что на культовую деятельность военных священников большое влияние оказали конфессиональная обстановка в Галиции, ведение боевых действий на территории противника. Показаны отношение протопресвитера военного и морского духовенства к униатскому вопросу, специфика взаимодействия военных священников с местным населением. Проанализированы особенности организации и осуществления богослужений. Рассмотрена работа священников по поддержанию боевого духа. Установлены случаи как добросовестного, так и недопустимого отношения к службе.

Ключевые слова: Первая мировая война; православное военное духовенство; Галиция; Юго-Западный фронт; униатство; протопресвитер военного и морского духовенства; Г. И. Шавельский.

Образец цитирования:

Старostenko ЭВ. Служба православного военного духовенства на оккупированной территории Галиции в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:39–47.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-39-47>

For citation:

Starostenko EV. Service of the Orthodox military clergy in the occupied territory of Galicia during the First World War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021; 2:39–47. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-39-47>

Автор:

Элеонора Викторовна Старостенко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета.

Author:

Eleonora V. Starostenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of world history, faculty of history and philology.
eleonorastarostenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2864-7928>

СЛУЖБА ПРАВАСЛАЎНАГА ВАЕННАГА ДУХАВЕНСТВА НА АКУПАВАНЫ ТЭРЫТОРЫІ ГАЛІЦЫІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Э. В. СТАРАСЦЕНКА^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Даследуецца дзеянасць праваслаўнага ваеннага духавенства ў расійскай арміі на тэрыторыі Галіцыі ў гады Першай сусветнай вайны. Устаноўлена, што на культавую дзеянасць ваеных святароў вялікі ўплыў аказалі канфесійная абстаноўка ў Галіцыі, вядзенне баявых дзеянняў на тэрыторыі праціўніка. Паказаны стаўленне пратапрэсвітара ваеннага і марскога духавенства да ўніяцкага пытання, спецыфіка ўзаемадзеяння ваеных святароў з мясцовым насельніцтвам. Прааналізаваны асаблівасці арганізацыі і ажыццяўлення набажэнстваў. Разгледжана праца святароў па падтрыманні баявога духу. Устаноўлены выпадкі як добраумленага, так і недапушчальнага стаўлення да службы.

Ключавыя слова: Першая сусветная вайна; праваслаўнае ваеннае духавенства; Галіцыя; Паўднёва-Заходні фронт; уніяцтва; пратапрэсвітар ваеннага і марскога духавенства; Г. І. Шавельскі.

SERVICE OF THE ORTHODOX MILITARY CLERGY IN THE OCCUPIED TERRITORY OF GALICIA DURING THE FIRST WORLD WAR

E. V. STAROSTENKO^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaučnaya Street, Mahilioŭ 212022, Belarus

The activity of the Orthodox military clergy in the Russian army on the territory of Galicia during the First World War is considered. It was established that the religious situation in Galicia and the conduct of hostilities on the enemy's territory had a great influence on the activities of military priests. The attitude of the protopresbyter of the military and naval clergy to the uniate question, the specificity of the interaction of military priests with the local population are shown. The features of the organisation and implementation of services are analysed. The work of priests to maintain a fighting spirit is considered. Cases of both conscientious and unacceptable attitude to the service was established.

Keywords: First World War; Orthodox military clergy; Galicia; Southwestern Front; Uniatism; protopresbyter of the military and naval clergy; G. I. Shavelsky.

Введение

В последние годы история Первой мировой войны все чаще становится предметом исследования как отечественных, так и зарубежных историков. Помимо хода боевых действий, авторы выбирают и более предметные проблемы для изучения, например службу в действующей армии Российской империи православного военного духовенства. Данная тема обращает на себя внимание все большего числа исследователей. Изучение деятельности военных священников на основе материалов по одному фронту позволяет выявить общее и особенное в их работе в годы Первой мировой войны. В настоящей статье рассматривается служба православных военных священников российской армии в Галиции во время Первой мировой войны. Особенности деятельности здесь православного военного духовенства обусловлены ее осуществлением на территории противника, спецификой конфессиональной обстановки (униатский вопрос) и активными боевыми действиями. Отдельные аспекты

проблемы рассматривались в работах С. В. Малышко, Л. В. Жуковой, Т. Н. Евсеевой, А. С. Лозинского и др. [1–4]. Цель исследования – выявить особенности деятельности военных священников на занятой российскими войсками территории Галиции. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: определить специфику культовой и вне-культурной деятельности в воинских частях, сражающихся в Галиции, проанализировать влияние на службу военных священников конфессиональных особенностей оккупированной территории. Хронологические рамки исследования включают в себя периоды оккупации Галиции российскими войсками. Верхняя граница – февраль 1917 г. Географические рамки исследования ограничены территорией Галиции, занимаемой российской армией на разных этапах войны. Статья написана с опорой на архивные документы (Российский государственный исторический архив), периодическую печать и мемуары.

Методология исследования

В процессе подготовки настоящей статьи автор руководствовалась базовыми принципами научного исследования, такими как принципы историзма, объективности, системности, а также ценностный и комплексный подходы. Наряду с общенаучными и общелогическими методами (анализ, синтез, индукция и дедукция) в работе были использова-

ны специально-исторические методы (в частности, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический методы и функциональный анализ). Применение данной методологии позволило установить общее и особенное в деятельности православного военного духовенства в Галиции в 1914 – начале 1917 г.

Результаты и их обсуждение

Наступление российских войск на австро-венгерские земли началось с первых дней войны. Галиция на несколько лет превратилась в кровопролитное поле боя, контролем которым брала то одна, то другая сторона. Боевые действия здесь вели преимущественно армии Юго-Западного фронта. Управление православным военным духовенством в его пределах осуществлялось главным священником армий Юго-Западного фронта. Эту должность на протяжении войны занимал протоиерей В. Грифцов. Он оказался весьма деятельным главным священником (рассыпал подведомственному духовенству собственные циркуляры, активно участвовал в жизни ведомства). Помимо главного священника армий Юго-Западного фронта, управление православным духовенством на территории Галиции с 1916 г. осуществлял представитель протопресвитера военного и морского духовенства при военном генерал-губернаторе областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. Хотя он и подчинялся протопресвитеру, в его ведении находилось религиозное обслуживание местного населения. Число священников, служащих в частях и учреждениях фронта, было велико: согласно архивным данным, по состоянию на 20 ноября 1915 г. на Юго-Западном фронте служили 543 священника и 23 числились выбывшими (убитые, умершие, попавшие в плен), в мае 1917 г. здесь значились уже 830 священников¹.

Деятельность православного военного духовенства можно разделить на культовую и внекультовую. Культовая деятельность включала в себя организацию и проведение богослужений и зависела от условий боевой жизни. Регулярное совершение служб было возможно в гарнизонах, запасных госпиталях, а также во время отдыха или нахождения в резерве, тогда как в период активных боевых действий осуществление религиозного обслуживания военных становилось проблематичным. Отчеты священников о богослужебном деле зачастую однотипны: они положительно оценивают свою работу, сообщают о высокой посещаемости служб солдатами и офицерами, должном уровне религиозности среди воинских чинов. Например, духовенство 4-й Фин-

ляндской стрелковой дивизии (с. Джуринская Слободка) в январе 1916 г. сообщало, что, когда полк находился на отдыхе или в резерве, литургия совершалась не только в праздничные и выходные дни, но и в будни. Когда же полк стоял на позициях, вся богослужебная деятельность осуществлялась в резервных ротах и при штабе полка². Благочинный 16-й пехотной дивизии Д. Галицев в отчете за 1916 г. писал, что во всех воинских частях и в штабе дивизии богослужения совершались торжественно во все праздничные и воскресные дни. Религиозное состояние паствы благочинный называл отрадным, отмечая, что «о неверии или маловерии не может быть и речи»³.

Военные священники организовывали богослужения не только для солдат, но и для местных жителей. Это обусловлено политикой российских властей в Галиции. Военное командование рассчитывало заручиться поддержкой галичан. Немаловажную роль в этом играл конфессиональный вопрос. Так как значительную часть населения Галиции составляли униаты, то в начале войны в их отношении была предпринята попытка «воссоединения» с православной церковью. Одним из идеологов и организаторов «воссоединения» принято считать архиепископа Евлогия. Однако его деятельность в Галиции неоднократно подвергалась критике со стороны протопресвитера Г. И. Шавельского, полагавшего, что всякие воссоединительные действия в условиях военного времени недопустимы, ведь еще сегодня эта территория подчиняется власти одних, а завтра – других [5, с. 166]. Протопресвитер считал необходимым ограничиться религиозным обслуживанием населения: только тогда в будущем униаты смогут прийти к православию, во всех остальных случаях лишь возненавидят его. Евлогий же полагал, что критика протопресвитера вызвана непризнанием им иной церковной организации в пределах фронта и ближайшего тыла, кроме военного духовенства [6, с. 261].

Вскоре власти осознали, что действия Евлогия не приведут к расположению местных жителей: в 1916 г. его отстранили от управления церковны-

¹Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 10392. Л. 71 ; Д. 10577. Л. 4–4 об.

²Там же. Д. 9830. Л. 47 об.

³Там же. Д. 10194. Л. 224 об.

ми делами в Галиции и передали дело протопресвитеру военного и морского духовенства. К тому времени, по убеждению протопресвитера, «воссединительная» политика Евлогия негативно сказалась на отношении униатского населения к Российской администрации: одни были настроены враждебно, другие же боялись идти на сближение после репрессий австрийцев при возвращении ими Галиции в 1915 г. [7, с. 45]. Рассуждения протопресвитера о сложившейся ситуации были изложены в докладной записке императору Николаю II, датированной 3 августа 1916 г. В ней политика Евлогия в Галиции осуждалась как не учитывающая всех условий обстановки и момента. Протопресвитер предлагал организовать дело таким образом, чтобы подготовить почву для присоединения в будущем: для этого рекомендовалось заниматься не «воссединением», а «уголением духовного голода», т. е. религиозным обслуживанием населения.

Г. И. Шавельский был услышан. Его взгляды на управление церковными делами в Галиции нашли отражение в статьях Временного положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятymi по праву войны, согласно которому учреждалась должность представителя протопресвитера военного и морского духовенства при военном генерал-губернаторе областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. На нее был назначен протоиерей Ф. Титов, профессор Киевской духовной академии. По своим полномочиям представитель протопресвитера приравнивался к главному священнику фронта и имел аналогичный штат управления⁴. Было учреждено 30 штатных священнослужительских мест в Галиции, которые протопресвитер мог замещать по необходимости. Им присваивался оклад военного священника⁵. При отборе кандидатов большое внимание уделялось их образованию и «идеиности» (схожие требования предъявлялись и к кандидатам на священнослужительские должности в армии). Протопресвитер объяснял это высоким уровнем подготовки униатского духовенства: по его информации, почти все они окончили богословский факультет Львовского университета⁶. По этой причине командируемое духовенство должно было иметь за плечами хотя бы курс духовной семинарии.

Несмотря на деятельность священников, находящихся в ведении представителя протопресвитера, в религиозном обслуживании галицийского населения участвовало военное духовенство. Г. И. Шавель-

ский в докладной записке императору писал, что полковые и госпитальные священники размещавшиеся в Галиции армий будут оказывать всяческую помощь населению в совершении треб⁷. Военному духовенству был адресован циркуляр протопресвитера от 21/28 августа 1916 г. В нем предлагалось совершать для галичан богослужения, проявляя при этом «особую любовь, заботливость и полное бескорыстие», избегая оплаты за труды⁸. Кроме того, Г. И. Шавельский просил работать в согласии с духовенством, подчиненным его представителю, и реагировать на приказы последнего как на его собственные. В отчете представителя протопресвитера за август – декабрь 1916 г. сообщалось, что в большинстве своем военное духовенство выполняло это требование протопресвитера⁹.

На службах, организованных для военнослужащих, часто присутствовали местные жители. Священник Н. Яхонтов писал, что проведенное в сельчике 1914 г. богослужение произвело сильное впечатление на присутствующих униатов и маленькая униатская церквушка не могла вместить всех желающих помолиться¹⁰. Он же, описывая пасхальное богослужение для воинов и местного населения в 1915 г., отмечал, что русины молились с теплотой, а глаза их были прикованы к кресту в руках священника¹¹. Священник М. Щербаков сообщал, что на службу, организованную для чинов полка в униатской церкви с. Ямница в начале 1915 г., пришла часть местных жителей, так как их священник сбежал, боясь обвинений в москофильстве со стороны австрийской администрации. Этот же священник, желая наладить добрые отношения с приходом униатской церкви в д. Угринов, в феврале 1915 г. часть сборов, полученных при совершении богослужений, отдал на нужды церкви: в ней он провел 5 литургий и всенощных, за время которых причастил около 2000 человек¹². Благочинный 2-й гвардейской кавалерийской дивизии В. Малаховский в с. Заболотцы летом 1915 г. совместно с духовенством других частей совершил литургию в местном храме в присутствии всех жителей¹³. Такие сообщения, зачастую схожие по содержанию, свидетельствуют о стремлении духовенства показать лояльное и даже доброжелательное отношение местного населения к российской армии и военным священникам. Участие в православных службах униатского населения расценивалось как сближение, налаживание диалога между сторонами. Кроме того, это соответ-

⁴РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10002. Л. 49.

⁵Там же. Д. 10008. Л. 132.

⁶Там же. Л. 21.

⁷Там же.

⁸Там же. Л. 44.

⁹Там же. Л. 184.

¹⁰Яхонтов Н. Рождество на позициях // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 4. С. 105.

¹¹Яхонтов Н. Из дневника священника // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 13–14. С. 429.

¹²Щербаков М. Походные впечатления священника в Галиции // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 365.

¹³РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10085. Л. 34.

ствовало взглядам протопресвитера Г. И. Шавельского на униатский вопрос.

Порой местные жители обращались к военному духовенству с просьбой о принятии православия. Политика ведомства четко прослеживается в переписке, возникшей между благочинным 49-й пехотной дивизии Н. Яхонтовым и главным священником армий Юго-Западного фронта В. Грифцовым в октябре 1914 г. касательно этого вопроса¹⁴. В. Грифцов, повторяя позицию протопресвитера, просил ограничиваться исполнением церковных треб, беседами на религиозные темы, воздерживаясь от присоединения униатов к православию: «Малейший неосторожный шаг в этом деле может вызвать... неудовольствия со стороны населения и даже повлечь за собой смуту в крае, еще не присоединенном к России, и таким образом причинит нашему правительству много лишних хлопот»¹⁵.

Военное духовенство стремилось организовывать богослужения в церквях и храмах. Однако его возможности в зависимости от территории, на которой размещались армии, отличались. Так, например, на Западном фронте, войска которого дислоцировались преимущественно на белорусских землях с доминирующим православным населением, духовенство имело возможность служить в православных епархиальных и военно-местных церквях, получать помощь епархиальных консисторий. В этом отношении священники находились в наиболее благоприятных условиях [8, с. 70]. В то же время на Северном фронте, например в Прибалтике, были сильны позиции протестантизма и католицизма, а потому возможность служить в православной церкви предоставлялась редко. По этой причине в период войны военному духовенству было разрешено совершать богослужения в кирках и костелах в случае невозможности служить в православном храме¹⁶. Однако многие предпочитали не вступать в спор с местными священниками и организовывали службы в иных помещениях. Что же касается Галиции, то в распоряжении военных священников оказались униатские церкви и храмы. Еще 19 августа 1914 г. Синод уведомил протопресвитера, что благословляет духовенство на совершение богослужений в униатских церквях на своих антиминсах после окропления церквей святой водой¹⁷. Это разрешение получено раньше, чем было позволено служить в костелах и кирках¹⁸. И действительно, в большинстве сообщений священников из Галиции говорилось об осуществлении культовой деятельности в униатских церквях.

Но были и конфликты, связанные с проведением православного богослужения в униатских храмах. Например, священник П. Руфимский столкнулся с агрессией со стороны униатского священника в одном из приграничных сел в январе 1916 г. Когда он попросил предоставить храм для проведения богослужений для солдат, то получил категорический отказ: «В храме своем я не позволю служить вам; нам, униатским ксендзам, еще перед войной было дано распоряжение не пускать православных священников в свои храмы. И это распоряжение я блюду свято. Ни вас, ни других православных священников в храм к себе не пущу»¹⁹. Военный священник не стал привлекать военное командование для решения вопроса. Вместо этого он провел богослужение в находящемся рядом с храмом сарае. Сложности с организацией служб в униатских храмах были и в крупных городах, например во Львове. В случае если вопрос о богослужениях в униатских храмах не удавалось решить своими силами, священникам приходилось обращаться за помощью к военному начальству²⁰.

По обстоятельствам боевой жизни воинские формирования часто размещались далеко от стационарных церквей. В таких случаях службы организовывались под открытым небом, в хозяйственных и общественных постройках, палатах и шатрах. При этом использовались походные церкви. В собранном виде они представляли собой ящики, в которых находились все необходимые священнику церковные предметы в походном исполнении (более удобные для транспортировки). Следует отметить, что в начале войны духовенство фронта столкнулось с нехваткой походных церквей. Главный священник В. Грифцов в рапорте протопресвитеру от 20 октября 1914 г. сообщал, что прибывающие из епархий в войска фронта священники часто не имеют антиминсов (особенно остро проблема стояла в головных и тыловых госпиталях), без которых невозможно совершать литургию. Виновными в этом В. Грифцов считал епархиальных преосвященных, которые не снабжали мобилизованных священников всем необходимым, а также главных священников и протопресвитера, не поставивших дело под свой контроль. Его ходатайство о высылке 10 походных церквей было удовлетворено²¹. Проблема нехватки церквей решалась при обращении в духовноеправление, к главным священникам, при поддержке благотворительных обществ, а также силами самих священников [2, с. 588]. Иногда помочь оказывало начальство полка или госпиталя.

¹⁴РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9442. Л. 425.

¹⁵Там же. Л. 426.

¹⁶Там же. Д. 9435. Л. 678.

¹⁷Там же. Д. 9439. Л. 6.

¹⁸Там же. Л. 33 об.

¹⁹Руфимский П. На ратных полях // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1916. № 6. С. 182.

²⁰РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9749. Л. 26–26 об.

²¹Там же. Д. 9442. Л. 304–305 об.

Так, священник М. Щербаков на протяжении 7 месяцев служил под открытым небом, в сараях, школах и жилых домах, не имея возможности организовать службы в церквях²². Духовенство 4-й Финляндской стрелковой дивизии в 1916 г. сообщало, что за отсутствием стационарных церквей священникам приходится служить в сараях. Предлагалось по возможности совершать литургии в храмах, а также на поле под открытым небом или в палатке, а проведение религиозных таинств и служб в сараях и «помещениях, загаженных или могущих быть загаженными» признать недопустимым. На случай, когда полк окажется в условиях, неблагоприятных для проведения литургии, священникам рекомендовалось завести палатки лагерного типа²³.

По возможности священники старались организовать хор или хотя бы общее пение. Однако в условиях боевой жизни преуспеть в этом деле было непросто: так как хоры состояли из солдат, то их состав постоянно менялся, а потому проводить репетиции, спевки оказалось весьма сложно. Так, в 4-й Финляндской стрелковой дивизии в 1916 г. во всех полках имелись хоры. Однако степень их организации отличалась. Лучше всего организовать дело удалось в 13-м и 16-м полках, где хор состоял из музыкантов, причем в последнем хором руководил капельмейстер, тогда как в 15-м полку священник был вынужден ограничиться организацией общего пения. Духовенство дивизии признало «трудновыполнимым» общее пение всего богослужения при постоянной смене состава полка, призывало стремиться к устройству приличного хора²⁴. Во Львове в ноябре 1914 г. в походной церкви был собран хор из чинов слабосильной команды под управлением оперного певца из нижних чинов²⁵.

Для совершения богослужений священникам требовалась церковные свечи, вино и просфоры. Свечи рекомендовалось закупать у принадлежавшего ведомству свечного завода. Однако приобретать их удавалось не всегда ввиду удаленности военных и епархиальных складов. Доставка вина в основном осуществлялась из Одессы. Сложно обстояло дело с заготовкой просфор. Несмотря на то что помощь должны были оказывать названные в циркуляре протопресвитера от 27 декабря 1914 г. соборы и церкви, главным образом заготовка просфор ложилась на плечи самого священника, поэтому поступали жалобы на их нехватку. При этом допустимые при совершении богослужений в военной обстановке упрощения отдельные священники трактовали слишком вольно: например, священ-

ник 196-го пехотного Инсарского полка Н. Розанов в сентябре 1914 г. использовал при совершении таинства причастия неосвященные просфоры, которые представляли собой четырехугольные сухари без печати, оправдывая это тем, что «на войне все можно»²⁶. В итоге он получил строгий выговор от протопресвитера.

Согласно инструкции для полковых священников от 21 июля 1914 г. местом священника во время боя являлся передовой перевязочный пункт, где он мог поддержать раненых и умирающих. Но уже в циркуляре протопресвитера от 10 октября 1914 г. сообщалось, что некоторые священники не соблюдают это требование. Из последующих его циркуляров следует, что проблема оставалась актуальной на протяжении всей войны (циркуляры от 24 октября 1914 г., 4/14 сентября 1916 г., 14/18 января 1917 г.) [8, с. 114]. Главный священник армий Юго-Западного фронта в ответ на последний циркуляр протопресвитера попытался оправдать подведомственное духовенство. По его информации, отсутствие на передовом перевязочном пункте было связано не с трусостью священников, а с исполнением приказов командиров²⁷. Сами священники обычно сообщали о соблюдении требования протопресвитера относительно места пребывания во время боя. Например, священник 136-го пехотного Таганрогского полка А. Мисевич (полк стоял в районе Карпат) всегда находился на передовом перевязочном пункте, где мог «утешить, ободрить ласковым пастырским словом раненого, поддержать бодрость его духа или напутствовать умирающего», а также помогал оказывать первую помощь раненым²⁸.

Сражения в Галиции были одними из наиболее кровопролитных в годы Первой мировой войны. На плечи духовенства ложилось не только отпевание умерших, но и организация сбора тел и их похоронения. Главные проблемы, с которыми столкнулось военное духовенство, – это сложность выноса тел с поля боя для последующего отпевания и похоронения, невозможность опознать многих погибших и правильно вести метрические книги.

Помимо этого, иногда непросто было найти людей для рытья могил. Так, священник М. Щербаков не мог отыскать помощников для того, чтобы выкопать могилы для погибших в боях за Галицию 20–21 августа 1914 г. Ему сообщили, что собирать и хоронить тела убитых должны местные жители, которых не оказалось поблизости, а потому многие погибшие остались на поле боя²⁹. Духовенство 4-й Финляндской стрелковой дивизии просило воен-

²²Щербаков М. Походные впечатления священника в Галиции // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 365.

²³РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 46 об.

²⁴Там же. Л. 47.

²⁵Там же. Д. 9442. Л. 590.

²⁶Там же. Л. 277 об.

²⁷Съезд о. благочинных 7-й армии 8–9 февраля 1917 г. // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1917. № 9–10. С. 216.

²⁸Рыбаков В. Памяти о. Алексия Мисевича // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 21. С. 665–666.

²⁹Щербаков М. Письма из действующей армии // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 5. С. 136.

ное руководство об организации своевременного выноса тел с поля боя для их достойного погребения³⁰.

Однако даже с убранными с поля боя телами возникали трудности: некоторых было практически невозможно опознать для внесения сведений в метрические книги. Священник 69-го пехотного Рязанского полка А. Жданов еще 7 августа 1914 г. писал о сложностях, связанных с опознанием и погребением погибших (пограничье Галиции и Холмщины), поэтому по его предложению чины данного полка носили ладанки, благодаря которым среди тел на поле боя можно было отыскать своих. А. Жданов сообщал, что после сражения на поле боя остается много убитых других воинских частей, опознать которых он возможности не имел³¹. Священники 4-й Финляндской стрелковой дивизии признавали сложным опознание погибших, поэтому штаб дал распоряжение, чтобы у каждого нижнего чина был личный знак, а священники старались следить, чтобы солдаты этот знак держали при себе. Проблема опознания погибших и внесения их в метрические книги была актуальна на всех фронтах российской армии.

В более спокойных условиях проводились погребения в гарнизонах. Там священники располагали рабочими руками для подготовки могил, транспортом для подвоза тел к кладбищу, а также временем для совершения отпевания. Во Львове в 1915 г. даже была составлена специальная памятка по осуществлению погребений. Она регламентировала время захоронения умерших разного вероисповедания, определяла перечень вещей, с которыми умерший погребался, устанавливала порядок проведения процедуры³².

Помимо добросовестного отношения к отпеванию и погребению воинов, в архивах встречаются описания ненадлежащего отношения к службе. Так, по сообщению благочинного 19-й пехотной дивизии К. Сарчинского, в ноябре 1914 г. священник 9-го и 10-го стрелковых полков П. Глаголев отсутствовал в своих полках, находясь при бригадном лазарете. В результате раненые чины полка не напутствовались, а убитые погребались самими солдатами без отпевания. Этот священник получил предупреждение от протопресвитера³³. Оставил паству без религиозного попечения и священник 11-го и 12-го стрелковых полков этой же дивизии Д. Ершов, самовольно, без уведомления благочинного, уехавший в Россию³⁴.

Кроме богослужебной деятельности, священники осуществляли нравственно-патриотическое воспитание военнослужащих. Темы бесед и проповедей должны были отвечать обстоятельствам, при которых они произносились. Так, в скором времени после начала войны одной из важнейших проблем в армии стала сдача в плен и дезертирство. В первую очередь обратить внимание на эту проблему призвал в своих циркулярах Г. И. Шавельский. В недатированном циркуляре (вероятнее всего, сентябрь 1915 г.) «Священникам действующей армии» он указал духовенству на падение боевого духа армии на фоне оставления российскими войсками почти всей Галиции и занятия части российской территории противником. По этой причине в числе прочих рекомендаций священникам предлагалось убеждать солдат в недопустимости небрежной службы и дезертирства как преступлений перед Богом, царем, родиной, товарищами и семьей³⁵.

Главный священник армий Юго-Западного фронта В. Грифцов от своего имени также рассыпал циркуляры священникам, служащим в частях и учреждениях фронта. В циркуляре «Духовенству армий Юго-Западного фронта» от 31 января 1915 г. он писал: «Как люди, не участвовавшие совершенно в ратном деле, не получившие боевого крещения, многие из них [солдат], естественно, заражаются страхом, бессознательно поддаются чувству самосохранения и, под влиянием этого инстинктивного чувства, не упускают случая... скрыться где-либо и куда-либо во время боев; некоторые же в этом отношении идут так далеко, что целыми группами уходят к неприятелю, добровольно сдаваясь в плен с оружием в руках»³⁶. Поэтому долг священника – не допустить подобных настроений в солдатской среде: объяснять важность войны для родины и обязанность каждого воина стоять на своем посту до смерти, «защищая веру, царя и Отечество»³⁷. На пастырском собрании 16-й пехотной дивизии в октябре 1916 г. было отмечено, что внебогослужебные беседы не могут вестись в привычном режиме в присутствии местных жителей – униатов. Собрание постановило во время бесед стараться говорить так, чтобы и оказать влияние на солдат, и внушить галичанам «не вражду к нашему солдату, а надежду на него»³⁸.

Среди военных священников, отправившихся в Галицию со своими полками и госпиталями, были жертвы. На страницах периодической печати опуб-

³⁰РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 49.

³¹Там же. Д. 9442. Л. 65 об.

³²Там же. Д. 9451. Л. 26–26 об.

³³Там же. Д. 9442. Л. 520.

³⁴Там же.

³⁵Там же. Д. 10776. Л. 10 об.

³⁶Там же. Д. 9451. Л. 8–8 об.

³⁷Там же.

³⁸Там же. Д. 10008. Л. 142–143.

ликовано большое количество заметок и некрологов, в которых описывались самоотверженное служение священников и обстоятельства их гибели, в том числе и на полях Галиции. Также публиковались списки выбывших (убитых, контуженных, попавших в плен). В циркуляре главного священника армии Юго-Западного фронта (начало 1916 г.) отмечалось, что многие военные священники фронта погибли при исполнении священнослужительских обязанностей³⁹. Приведем несколько примеров. Священник 192-го пехотного Рымникского полка Ф. Горбаневский 9 мая 1915 г. погиб от ран, полученных при разрыве снаряда противника (погребен в м. Олешице возле Любачева). Все бои он находился на передовой, утешал раненых, причащал умирающих и погребал убитых⁴⁰. В ночь с 21 на 22 мая 1915 г. в 19 верстах от Любачева у д. Загроды был убит при исполнении паstryрских обязанностей Е. Осипов, священник 15-го гренадерского Тифлисского полка. Во время совершения погребения рядом с ним разорвался снаряд: «Обезображенное тело священника... можно было узнать только по останкам одежды»⁴¹.

В с. Млыны возле м. Krakowec 19 мая 1915 г. скончался священник А. Мискевич: в перевязочный пункт попали снаряды противника, священник умер от разрыва сердца⁴². Австро-венгерские солдаты проявили жестокость по отношению к попавшему в плен священнику С. Веремчуку: «На теле, кроме огнестрельной раны, было несколько колотых; руки порезаны, плечи порублены с пересечением ключиц, сухожилия под коленами порезаны и концы сухожилий вытянуты. Мышицы на груди, спине, руках и ногах вырезаны; все лицо разбито и в рот набита глина»⁴³. От ран, полученных во время боев у д. Шумляны 31 октября 1916 г., скончался священник В. Румянцев⁴⁴. По данным на 20 ноября 1915 г., 3 священника Юго-Западного фронта были убиты, 11 умерли от болезней, 1 – от ран, 1 – в плену, четверо были ранены, трое находились в плену⁴⁵. На момент ликвидации ведомства протопресвитера военного и морского духовенства (начало 1918 г.) за время войны более 40 военных священников были убиты или умерли от ран, более 200 получили контузии и раны, свыше 100 находились в плену⁴⁶.

Заключение

Деятельность православного военного духовенства российской армии в Галиции имела особенности. Так как боевые действия велись на территории противника, российская администрация хотела заручиться поддержкой местного униатского населения. Поэтому православные военные священники осуществляли религиозное обслуживание не только армии, но и галичан. Особенно этот процесс активизировался с 1916 г., когда управление церковными делами в Галиции было поручено протопресвитеру Г. И. Шавельскому. При этом в ведомстве военного и морского духовенства рекомендовали ограничиваться богослужениями, не присоединять униатов к православию во время войны, что расходилось с политикой, проводимой до 1916 г. архиепископом Евлогием. Важной особенностью стала организация богослужений в униатских церквях. Несмотря на официальное разрешение Синода о совершении служб в униатских церквях, священники действовали осторожно, чтобы не провоцировать местных жителей и униатских священников.

Зачастую духовенство не имело возможности служить в стационарных церквях. Как и на других фронтах, в таких случаях священники совершали богослужения под открытым небом, в обществен-

ных и хозяйственных постройках, палатках, шатрах. Для проведения служб использовались походные церкви. В первые годы войны походных церквей не хватало, помочь в решении проблемы оказывали духовное правление, главные священники, благотворительные общества, военное командование.

Организация богослужений и их проведение зависели от условий боевой жизни. Регулярно богослужения совершались в полках, стоявших в резерве или на отдыхе, в госпиталях, гарнизонах. Во время боя возможность проводить службы была ограничена, а самим священникам следовало находиться на передовом перевязочном пункте. Анализ документов показывает, что не все священники выполняли это требование. Вместе с тем известно немало примеров, когда добросовестно исполняющие свои обязанности священники погибали во время боя.

Неотъемлемой частью работы военного священника стали отпевания и погребения военнослужащих. Проблемы, с которыми столкнулись священники в Галиции, возникали на всех фронтах: сложность выноса тел с поля боя и подготовки к их погребению (поиск рабочих рук для транспортировки и рытья могил), невозможность опознания убитых для занесения в метрические книги. С боль-

³⁹Грифцов В. Духовенству армий Юго-Западного фронта // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1916. № 2. С. 39.

⁴⁰Сергиевский И. Священник Филипп Горбаневский // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 368.

⁴¹Памяти священника о. Е. М. Осипова // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 15–16. С. 495.

⁴²Рыбаков В. Памяти о. Алексия Мисевича // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 21. С. 664.

⁴³Священник герой и мученик // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 23. С. 728.

⁴⁴Из сообщения командира полка о. протопресвитеру // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1917. № 5–6. С. 135.

⁴⁵РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10577. Л. 4–4 об.

⁴⁶Там же. Д. 10526. Л. 1.

шими сложностями сталкивалось духовенство во время боевых действий. В гарнизонах же, наоборот, погребения проводились организованно.

Важнейшей функцией военного духовенства было проведение воспитательной и нравственно-патрио-

тической работы посредством бесед и проповедей. Темы бесед отвечали нуждам времени. Особое внимание в беседах с солдатами, служащими в Галиции, уделялось проблемам дезертирства и сдачи в плен, падению боевого духа.

Библиографические ссылки

1. Малишко СВ. Діяльність православного військового духовенства на території Східної Галичини та Буковини у 1914–1917 рр. У: *Збірник наукових праць. Серія: Історія та географія. Випуск 35*. Харків: [б. м.]; 2009. с. 180–182.
2. Жукова ЛВ. К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны. *Исторический журнал: научные исследования*. 2014;5:584–591. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14667.
3. Євсеєва Т. Православне військове духовенство: відносини з владою на перехресті епох. У: *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Випуск 22*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2013. с. 304–328.
4. Лозинський А. Військове духовенство в роки Першої світової війни. *Українознавство*. 2017;1–2:89–97.
5. Шавельский Г. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том 1*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова; 1954. 414 с.
6. Митрополит Евлогий (Георгиевский ВС). *Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной*. Париж: YMCA Press; 1947. 678 с.
7. Шавельский Г. *Воспоминания последнего protopresvitera russkoy armii i flota. Том 2*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова; 1954. 412 с.
8. Старостенко ЭВ. *Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны*. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2020. 200 с.

References

1. Malishko SV. [Activities of the Orthodox military clergy in Eastern Galicia and Bukovina in 1914–1917]. In: *Zbirnyk naukovyh prac'. Serija: Istorija ta geografija. Vypusk 35* [Collection of scientific papers. Series: History and Geography. Issue 35]. Kharkiv: [s. n.]; 2009. p. 180–182. Ukrainian.
2. Zhukova LV. [On the organization of places for worship at the front during the First World War]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2014;5:584–591. Russian. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14667.
3. Evseeva T. Orthodox chaplaincy and their relationships with authority on the edge of epoch. In: *Problemy istorii' Ukrayiny: fakty, sudzhennja, poshuky. Vypusk 22* [Problems of the history of Ukraine: facts, judgments, searches. Issue 22]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine; 2013. p. 304–328. Ukrainian.
4. Lozynskyi A. Military clergy during the First World War. *Ukrai'noznavstvo*. 2017;1–2:89–97. Ukrainian.
5. Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota. Tom 1* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy. Volume 1]. New York: Chekhov Publishing House; 1954. 414 p. Russian.
6. Metropolitan Evlogy (Georgievsky VS). *Put' moei zhizni: vospominaniya mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [The way of my life: memoirs of metropolitan Evlogy (Georgievsky), based on his stories by T. Manukhina]. Paris: YMCA Press; 1947. 678 p. Russian.
7. Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota. Tom 2* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy. Volume 2]. New York: Chekhov Publishing House; 1954. 412 p. Russian.
8. Starostenko EV. *Pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na territorii Belarusi v gody Pervoi mirovoi voiny* [Orthodox military clergy on the territory of Belarus during the First World War]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2020. 200 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.
Received by editorial board 10.03.2021.